

Тѣни стараго „Современника“.

О. Н. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. Изданіе академіи наукъ. Удостоено полной преміи Пушкинскаго лицейскаго общества. Петербургъ, 1910 г.

Ни одинъ пушкинианецъ не можетъ обойтись безъ этой превосходной книги одного изъ лучшихъ знатоковъ текста пушкинскихъ произведеній и жизни поэта, неутомимаго открывателя новостей Пушкина и о Пушкинѣ. Откровенно сказать, я считалъ себя не только страстнымъ поклонникомъ поэта-солнца, но и не плохимъ начетчикомъ его поэзій и прозы, старавшимся знать все, что относится къ жизненной и литературной драмѣ величайшаго изъ нашихъ писателей. Но и мнѣ книга Н. О. Лернеръ принесла много-много, въ полномъ смыслѣ, откровеній. Въ послѣдовательности хронологіи многое показалось понятнѣе, значительнѣе, въ общей связи духа и характера Пушкина. Знать Пушкина, по моему, безъ книги Лернера,—прямо невозможно. Что особенно цѣнно въ этой удивительно правдивой книгѣ, это ея полная надежность въ каждой, можно сказать, строкѣ. Страстно влюбленный въ своего Пушкина, авторъ не кривить, не отступаетъ передъ злой исторической правдой, и рука его, не дрогнувъ, заноситъ въ мартирологъ послѣдняго страдальческаго года поэта (1836):

«Ноябрь-декабрь. Доносъ кн. П. А. Вяземскаго С. С. Уварову на современную журналистику, П. Я. Чаадаева, Н. Г. Устрялова, Н. А. Полевого съ замѣчаніями Пушкина».

Этотъ ошеломительный обвинительный актъ—Пушкинъ участвовалъ въ доносѣ на русскую литературу!—появился у осторожнаго и точнаго Лернера, приходится надѣяться, послѣ тщательнаго обдумыванія фактовъ, и навѣрное,—послѣ долгой душевной борьбы, когда для историка не оставалось уже никакого, даже малѣйшаго сомнѣнія, что «другъ Вяземскій» увлекъ поэта на дѣяніе, по которому можно мнѣнія, что «другъ Вяземскій» увлекъ поэта на дѣяніе, по которому ясно заключить, въ какое состояніе приведенъ былъ Пушкинъ разыгравшейся въ то время драмой его личной жизни. Затравлен-

ный свѣтскимъ обществомъ и собственной женой, какъ разъ только что отъ нея самой выслушавшій признаніе въ «бѣломъ» свиданіи съ Дантесомъ подъ гостепріимнымъ кровомъ Идалии Полетики и подъ охраной будущаго второго мужа Наталіи Николаевны, Лапского, — поэтъ метался въ тяжкихъ мукахъ оскорбленной гордости и—сдѣлалъ нѣсколько помѣтокъ на «документѣ», подсунутомъ Вяземскимъ. Тяжкое обвиненіе имѣетъ въ качествѣ базы—одного Вяземскаго. Оно опубликовано гр. Шереметевымъ въ изданномъ имъ собраніи сочиненій его тестя Вяземскаго. (II, 211-226). Зять, можно сказать, не пожалѣлъ и тестя, но было бы не много печали, если бы «охранительная» дѣятельность Вяземскаго падала на него одного, а не отражалась бы тѣнью на великомъ поэтѣ. Н. О. Лернеръ считаетъ Вяземскаго писателемъ и свидѣтелемъ достовѣрнѣйшимъ. Но Вяземскій пушкинскаго времени и Вяземскій одинъ изъ столповъ шереметевскаго кружка—не одно и то же. Конечно, не приходится спорить противъ поправокъ и помѣтокъ Пушкина на донесеніи Вяземскаго Уварову, вражда и презрительное отношеніе къ которому Пушкина общеизвѣстны и позволяютъ видѣть въ «донесеніи» Вяземскаго даже нѣчто вродѣ провокаціи. Но все же—не было ли: то—да не то! Не было ли тутъ чего-нибудь еще не разгаданнаго, требующаго новыхъ изысканій и новаго освѣщенія. А Вяземскій просто руку приложилъ, и его издатель не захотѣлъ лишиться для произведеній этого писателя «пушкинскаго украшенія». Я не оспариваю Н. О. Лернера: если онъ включилъ въ свою книгу, этотъ совершенный гимнъ Пушкину, такую деталь, значитъ необходимо было, историческая правда требовала. Но Пушкинъ, участвующій въ литературномъ доносѣ, въ томъ числѣ и на Чаадаева, такъ глубоко и проникновенно имъ понятаго,—это aberrация. И еще въ то время, какъ онъ самъ сталъ журналистомъ. И, что меня касается, я не придалъ бы такой формы этому «пассажу неожиданному», въ какой онъ изложенъ на стр. 476 книги Н. Лернера. Я бы отмѣтилъ, что Вяземскій оставилъ о Пушкинѣ такой обвинительный актъ. Но я прибавилъ бы, что дѣло тутъ такъ же темно, какъ напримѣръ, темна разгадка, кто была главная и единственная во всемъ величій чувства любовь Пушкина, неизвѣстная, которой посвящена «Полтава», «сокровище, святыня, любовь души»: Зинаида Волконская, Элиза Воронцова (всего сомнительнѣе), или младшая дочь Раевского, Нереида Гурзуфа, что всего вѣрнѣе—будущая «русская женщина», жена декабриста, княгиня М. Н. Волконская. Вспомнимъ стихи Некрасова. Быть можетъ, поэтъ поэта чутьемъ угадалъ лучше, чѣмъ историки. Н. О. Лернеръ, отлично изучившій «донъ-жуанскій списокъ» поэта, дѣлаетъ окончательный приговоръ, что имени той, кому посвящена «Полтава», суждено остаться однимъ изъ таинствен-

ныхъ, недоумѣнныхъ мѣсть въ біографіи Пушкина. Мы позволяемъ себѣ высказать убѣжденіе, что такимъ же недоумѣннымъ мѣстомъ останется обличеніе Вяземскимъ его друга. Навсегда-ли? Не возможно ли ждать, что свѣтъ тутъ будетъ пролить, хотя бы въ запискахъ Смирновой, подлинныхъ, ожидающихъ выхода въ свѣтъ, и, конечно, не въ той кустарной стряпнѣ, какую нѣкогда поднесъ «Сѣверный Вѣстникъ»? Но ужъ во всякомъ случаѣ напрасно дѣлалъ Ефремовъ сближеніе таинственной «святыни»... съ «графиней» Собанской, похожей по своему нравственному калибру развѣ на «графиню» Тарновскую.

Пріятно отмѣтить независимость г. Лернера и «въ другую сторону». Въ изданіи достаточно чопорной коллегіи онъ напечаталъ, съ соотвѣтствующими замѣчаніями, даты и указанія, очень освѣщающія отношенія къ Пушкину его сановныхъ петербургскихъ «покровителей» солдафонскаго типа, которые, какъ на примѣръ, холодно-изысканно-наглый Бенкендорфъ, критиковали «тривиальность» пушкинскихъ выраженій, а къ Дантесу и Геккерену духовно и душевно были совершенно близки. Историческая правда и тутъ играла у автора-историка главную роль. Но очень пріятно, что въ его классическій трудъ не попало, по какимъ-либо причинамъ, ничего изъ «насъ возвышающихъ обмановъ». Петербургскія оффиціальныя сношенія и отношенія Пушкина вырисовываются въ свѣтъ магнія. Цикль «умѣренности въ скорби», проведенной тогдашнимъ Петербургомъ, совершенно въ выдержанномъ стилѣ заключался въ псковскомъ Святогорскомъ монастырѣ, настоятелю котораго Геннадію псковскій архіепископъ Наѳанаиль отдалъ распоряженіе:

«чтобы при погребеніи Пушкина, согласно высочайшей волѣ, не было никакого особливаго изъясненія, никакой встрѣчи, никакой церемоніи».

Вотъ изъ какихъ далекихъ временъ могла бы «Россія» позаимствовать справку, по части «бывшихъ примѣровъ», какъ слѣдуетъ излагать правила «объ устройствѣ» общественныхъ собраній подъ открытымъ небомъ для похоронъ». Еще въ 1837 г. сіе было разработано и установлено! Вообще легенда о благодѣтельности вліянія на пушкинскую жизнь и творчество Николая I, равно какъ давно разрушенный мифъ о свободѣ, которую будто бы открыла поэту «личная» (на дѣла—черезъ третье отдѣленіе) цензура—блекнетъ и отходитъ въ очень узкія рамки, похожіе скорѣе на «подписку о невыѣздѣ».

Вся большая, превосходно, на европейскій ладъ изданная книга, дающая синтезъ и анализъ огромнаго труда многихъ лѣтъ Н. О. Лернера, полна такими тщательно собранными фактами. Лучшей заслугой кропотливаго автора надо считать, что онъ далъ—не хронологію, а исторію Пушкина. Хронологическій характеръ, а также превосходно

составленные каталоги и указатели, самымъ существеннымъ образомъ облегчаютъ работу надъ изученіемъ и пониманіемъ Пушкина.

Повторяемъ, безъ «Трудовъ и дней Пушкина»—пушкинианцу работать нельзя. Наконецъ-то мы имѣемъ всеобъемлющую справочную книгу о Пушкинѣ. Пушкинскій текстъ, при всѣхъ достоинствахъ изданія С. А. Венгерова, еще не можетъ считаться «незыблемо установленнымъ». Но справочную, объяснительную хронологическую книгу о Пушкинѣ—мы имѣемъ.

Позволимъ себѣ лишь нѣкоторыя замѣчанія. Мы не согласны съ принятой г. Лернеромъ системой—вносить въ «Труды и дни Пушкина» отмѣтки чисель, въ которыя тотъ или другой сочинитель поднесъ Пушкину свои произведенія съ надлежащими посвященіями. Большинство поднесенныхъ книгъ остались даже, вполнѣ по заслугамъ, неразрѣзанными поэтотъ, хотя, какъ извѣстно, онъ и былъ великимъ любителемъ чтенія. Кому, позвольте спросить, интересно, что 1 мая 1836 года ген. Ушаковъ поднесъ Пушкину, съ надписью, «Исторію военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи»? Не оспариваемъ, что это свѣдѣніе изъ неизданныхъ матеріаловъ, любезно сообщенное г. Модзалевскимъ, но безъ нѣсколькихъ десятковъ подобныхъ «чужихъ датъ»—смѣло можно было обойтись, полагаемъ.

Затѣмъ, мы не совсемъ понимаемъ причины многихъ умолчаній такого «всевѣдущаго» пушкинианца, какъ г. Лернеръ—о петербургскомъ, послѣднемъ, періодѣ жизни Пушкина, когда онъ, достаточно разочарованный въ своей «мадоннѣ», не только обращался къ холостымъ привычкамъ и знакомствамъ, но и былъ въ очень серьезныхъ отношеніяхъ къ свояченицѣ, единственной изъ семьи Гончаровыхъ понимавшей поэта. Цѣломудренная сдержанность тутъ не причемъ, такъ какъ эта сторона жизни Пушкина вскрыта дочерью жены Пушкина (отъ второго мужа), да и въ венгеровскомъ изданіи *en toutes lettres* изображено подъ портретомъ Александры Николаевны Гончаровой съ плѣнительной ясностью: «Свояченица Пушкина, очень ему близкая». А что Пушкинъ развлекался отъ холодности своей «мадонны», извѣстной и по его стихотворенію, въ которомъ онъ отрекался отъ «мятежнаго наслажденія», это, кажется, также надо считать не подлежащимъ особому сомнѣнію. О семейной драмѣ Пушкина мы имѣемъ изслѣдованіе г. Морозова. Но г. Лернеръ могъ бы прибавить своихъ свѣдѣній и изысканій, навѣрное имѣющихся въ его портфелѣ. Откровенно говоря, я никогда не удовлетворялся изображеніемъ Пушкина просто «обманутымъ»: пришелъ, дескать, оболъстительный кавалергардъ иностраннаго происхожденія и покоришь сердце жены «Пушкина-арапа». Не пора ли сказать, что неудачная во всѣхъ отношеніяхъ женитьба Пушкина на легковѣсной красавицѣ Гончаровой—въ поло-

винѣ тридцатыхъ годовъ привела къ совершенному разъединенію обоихъ супруговъ, и что поведеніемъ поэта, приведшимъ къ кровавой развязкѣ, руководила не одна оскорбленная ревность, а гордое сознаніе, что имя его, Пушкина, принадлежащее его родинѣ, топчется свѣтской кликой, которая, во главѣ съ женой Нессельроде, урожденной Гурьевой, избрала Дантеса лишь физической маріонеткой-брави?

Наши замѣчанія (добавимъ еще, что, напримѣръ, не стоило заносить въ книгу такой глупости, какъ сужденіе Н. М. Языкова о стихотвореніи «Друзьямъ»), конечно, совершенно отстаютъ на задній планъ передъ великолѣпнымъ обиліемъ планированного матеріала, предлагаемаго читателю замѣчательнымъ критико-біографическимъ трудомъ Н. О. Лернера. Именно потому, что это—трудъ классическій, мы и предъявляемъ къ нему повышенныя требованія. Трудно рассчитывать для книги такого характера и такого объема на новыя изданія, но мы думаемъ, что автору все-таки удастся дать новое изданіе «Трудовъ и дней». Если появятся подлинныя записки Смирновой,—едва ли это не будетъ необходимою. Н. О. Лернеру останется только добавить послѣдніе штрихи къ своему классическому труду.

М. Кояловичъ.
